

В. ВЕРЕСАЕВ

ПОВЕСТИ
и рассказы

Викентий Викентьевич Вересаев

Юра

(Невыдуманные рассказы о прошлом)

Викентий Вересаев
Юра

Одного года

Только что научился ходить. Идет неуверенно-пьяной походкой, вскидывая ножонки и крепко припечатывая их к полу. Если куда нужно поскорее, предпочитает привычный способ – ползет, быстро подбирая зад.

Ударился головою о спинку кровати. Заплакал. Мать притворилась спящей и не отозвалась на плач. Перестал плакать, с любопытством поглядел на угол спинки, слегка ударился головой. Потом сильнее. И заревел.

Тугой, с блестящими глазенками. Трясет перед ухом папиросную коробку с двумя камушками в ней, упоенно слушает. Потом откроет коробку, с любопытством разглядывает камушки. С трудом закроет – и опять трясет перед ухом, и слушает, широко раскрыв глаза.

Плетеный стульчик лежит на полу, спинкой кверху. Юрка чувствует, что из него можно сделать хорошую забаву, но не знает, как подступиться. Взятся за передние ножки.

Вдруг торжествующий крик: «Га!» – и поехал со стулом по комнате. Доехал до конца комнаты, ударился стулом о стену, стал поворачивать. Стул задел его ножкой и свалил. Юра заплакал. С трудом повернул и поехал обратно. На лице торжествующее наслаждение.

Но чего-то никак не мог сообразить: возьмется за обе ножки – и под руками твердо, возьмется за одну – стул подвертывается, и Юра летит с ним на пол. Наконец что-то уловил. Когда стул начинает под рукой уходить вниз, быстро отдергивает руку, шатающейся походкой идет к матери, берет ее за палец и подводит к стулу. Она дает ему хорошо взяться за ножки – и Юрка с тем же торжествующим криком «га!» едет к противоположной стене.

Двух лет

Кругом – огромный мир, полный непонятнейших загадок и самых неожиданных решений.

На палке лошадиная головка. Юра вечером скакал на ней по комнате, остановился у стены. Вытащил палку, держит в руках. Вдруг испуганно заплакал.

– Кто это?

На белой стене – черная тень лошадиной головки. Бросил палку и с ревом убежал за шкаф. Отец и мать стали объяснять, что такое тень, показывали ему отражение своих профилей, его собственные ручонки. Но когда потом показали тень лошадки, Юра затопал ногами, опять заплакал и зажмурился. И вдруг сказал:

– Больше не буду смотреть. Я забоялся.

С зажмуренными глазами поужинал, дал себя раздеть и уложить в постель. С зажмуренными глазами и заснул.

На следующий день идет с матерью по улице. От солнца перед ними четкие тени. Увидел их уже как старых знакомых. Показывает пальцем.

– Как их звать?

– Тень.

Радостно засмеялся.

– Мама, моя маленькая тень, твоя большая!

Долго следил за движением своей тени. Наконец с недоумением спросил:

– А куда этот мальчик идет? Домой, с нами?

И вопросы, вопросы без конца. Такие, на которые и взрослому трудно ответить, и такие, которые на взгляд взрослого совсем глупы.

– Почему листья падают?

– Кто сделал солнце?

– Кто приклеил лампочку на дом?

– А чей это дом, кто здесь живет?

– А зачем у тети завязан пальчик?

– Как я сделался?

Долго смотрел на крышу соседнего дома.

Вдруг говорит:

– Люди упали.

– Откуда упали?

– С крыши.

В чем дело? Никакие люди не падали с крыши. Выяснилось: вчера с этой крыши счищали снег, а сегодня людей на ней нет.

Набросил себе на голову большой черный платок. Долго сидел, с любопытством ворочая головой. Потом сбросил платок.

– Мама, ты видела, как сейчас было темно?

В комнате платяной шкаф с большим зеркалом на дверце. Мать боялась, чтобы Юра не стал стучать по зеркалу и не разбил его. Сказала, чтоб он не подходил к шкафу: шкаф сердитый и не любит Юрика. Вошла в комнату. Юра ходит вокруг шкафа, заложив руки за спину, и кричит на шкаф:

– У! У!..

– Что ты делаешь?

– Это я шкаф пугаю. Чтоб думал, что я сердитый. Чтоб шкаф меня боялся.

Мать уехала в служебную командировку. Юра беззаботно играет, матери совсем не вспоминает. Но раз был в Лосиноостровске у тети, играл с ребятами. И не захотел идти домой:

– У всех папа и мама, а у меня только папа!

А другой раз увидел фотографию матери и вдруг горько заплакал. С надеждой заглядывал на изнанку фотографии, разочарованно морщился и плакал еще горше.

На сквере. Неутомимые работнички беспо-

лезных дел, все ребята заняты. Истинные ударники! Юра копает лопаточкой снег, двухлетняя девочка уже полчаса терпеливо укладывает на скамейке рядышком мелкие осколки стекла, другая пеленает куклу. «Играют». Но наукою доказано, что игра маленьких детей и животных – вовсе не «так себе», не баловство. В игре они серьезно и сосредоточенно подготавливаются к действиям, наиболее впоследствии нужным: котенок гоняется за бумажкой, привязанной к веревочке, – подготовка к умению поймать мышь; щенята грызутся и т. д.

– Папа, пойдй сюда.

– Чего тебе?

На ухо:

– Спроси меня: хочет Юра еще конфетку?

В руках у него плюшевый мишка. Я взял мишку и зарычал. Юра испугался. Объясняю ему.

– Он не страшный?

– Нет. Только как будто страшный.

– Как будто страшный? Не сердитый?

Это уже выработавшийся тип: домработница из деревни. Румяная, неудержимо полнеющая от нетяжелой работы; с огромною крепкою грудью; тело из нее так и прет. В домработницы поступила, чтоб пройти в профсоюз. Некультурная, вороватая, глубоко равнодушная к своему делу, жадная до вкусной еды. Утром пойдет за провизией, пропадает по своим делам часа три, воротится: «Ничего не могла достать». Продала все хлебные карточки: «Потеряла». Надевает для прогулки с кавалерами хозяйкины туфли, чулки.

Такая вот няня у Юры – Дуся. Родители специально для Юры покупают сливочное масло, – фунт исчезает в два дня. Мальчик худеет, по вечерам, при родителях, жадно набрасывается на еду, потому что весь день голодает. Мать заказала для него на обед суп, котлету и молочную рисовую кашу; неожиданно пришла с работы днем: Дуся кормит Юру супом, а котлету и кашу съела сама.

Родители оба заняты и служебною работою и общественною. Весь день ребенок на руках у Дуси. У Юры появились новые слова –

грубые, циничные. И не только слова. Однажды он с невероятной игривой улыбкой вдруг потянулся к матери и стал расстегивать у нее на груди кофточку.

– У тебя там два голубка. Дай я поиграю!

Мать в отчаянии, мечется, отыскивая другую домработницу.

Но как раз началась паспортизация, приток из деревни прекратился, домработниц с паспортами рвали из рук. Дуся это учитывала и наглела еще больше.

– Дуся, вчера сестра принесла Юре восемь конфеток, я их положила на стол. Где они?

– Я съела.

– Как же ты могла?! Не знаешь, что это для ребенка принесли, а не для тебя? Ведь сахару даю тебе сколько хочешь.

– Мне сахар больше не нравится.

– А нравятся конфеты, покупай сама.

– Мне нравится хозяйские есть.

Юра очень замкнут, все тяжелое переживает сам с собою. Но в глазах появился испуг. Соседки по квартире сообщили матери, что часто слышат в ее комнате взрывы плача Юрки, что Дуся жестоко бьет его, не стесняясь,

при всех. Ей говорят:

– Как не стыдно тебе?

А она:

– Своего бы я еще не так, своего бы я просто убила.

Мать кинулась к Юре.

– Била тебя Дуся?

– Била нынче. – Помолчал и прибавил: – Сначала била, а потом позалела.

А Дуся на все:

– Не ндравится вам – рассчитайте.

Терзает душу это молчание маленького, незащитного человечка. Бьют его, – и он рад, что хоть под конец его «позалели».

Рассчитали Дусю, с огромными усилиями нашли наконец новую домработницу-няню.

Как-то вечером я подошел к кроватке Юры, думал, он уже спит. Но Юра лежал с открытыми глазами. И вдруг благодарно сказал мне:

– Ты хороший.

Так и живет он в двух стихиях: грубой, равнодушной, презрительной, идущей от домработницы, и любовной, нежной, которую дают родители. В первой страдальчески сжимает-

ся, во второй чувствует себя центром жизни, баловнем, вызывающим всеобщее восхищение, и нет с ним сладу.

На лето отдали его в детскую коммуну, километров за тридцать от Москвы. За лето вырос, поправился, загорел и как-то загрубел. Не тот темп речи, выговор, не то построение фразы. Нет прежней суетливости, беготни, спешки – и доверчивости. Загрубел и физически и душевно. Но что-то твердое появилось, подтянутое и мужественное. Однако по ласке, видимо, томится и страдает не по-детски. Серьезно, без улыбки, допрашивает мать:

– А почему ты раньше не приехала? А ты меня не забываешь? А когда ложишься, – помнишь?

При прощании сам несколько раз крепко поцеловал мать и отчетливо сказал:

– До свидание! Приезжай в выходной.

«Дорогой мой мальчик! Тебе сегодня исполнилось три года. Три года назад, в такое же солнечное утро, как сегодня, ты родился. Своим появлением ты много принес мне незабываемой радости. Сегодня я не могла те-

бя видеть: ты живешь на даче с детками, – я здесь в городе занята, работаю. Через две недели ты приедешь к нам, и мы начнем жить вместе. Я бы хотела, Юрик, чтобы ты не капризничал, не мешал бы мне работать, вел бы себя хорошо... Ты вырастешь у нас новым, и сильным, и славным человеком. Но пока ты растешь, крошка, твоя мама также не хочет отставать от жизни, также хочет расти в работе. Я не хочу, чтобы после ты стеснялся меня, как стеснялась я своей матери, не одобряя общую ее установку жизни. Будь же здоровенький, мой малыш, целую тебя крепко. Твоя мама». (Из дневника.)

Трех лет

Новая няня – старушка, очень религиозная. Раз пришли с прогулки. Мать спрашивает:

– Где ты гулял, сынок?

– Мы гуляли в большом, большом доме. Там Петровна голенького дядю нюхала.

Няня ахнула.

– Что ты, Юра, врешь? Какого я дядю нюхала?

– Да, да! На стенке был дядя голенький на-

рисован, в простынке. Петровна подошла, рукой возле лица машет и дядю нюхает... А старушки всё баловались: станут на колени и лбом об пол. И Петровна тоже. А я не баловался!

– Что же там еще было?

– Еще два дяди, только совсем как тети, и волосы длинные. В очень красивых платьицах. На платьях много цветов, настоящий сад. Ходили, руками махали и все кричали: оо-оо-ооо!

Шел раз с матерью по лесу. На полянке табун лошадей. Стоят и отмахиваются головами от мух. Юра остановился, долго смотрел.

– Мама, я думал, одни только старушки молятся, а оказывается, и лошадки тоже.

В речи его – постоянная смесь простонародных слов от няни и самых интеллигентных, как «оказывается», – от родителей.

Родителям весьма не нравится, что няня говорит ребенку о боженьке. Строго запретили.

Юре очень понравился «Крокодил» Чуков-

ского. Запомнил из него много звонких стихов, все снова и снова пересматривает картинки, где подвизается гражданин с противной крокодильей мордой, в английском клетчатом пальто.

Любовно называет его «крокодильчик».

Укладывали Юру спать. Он засунул в рот угол простыни. Отец строго сказал:

– Нельзя в рот совать простыню.

– А что можно совать?

– Хлеб, котлету, печенье.

– И конфетку.

– Да, и конфетку.

Все-таки держит простыню во рту. И никакие уговоры отца и матери не помогают. Тогда отец сказал:

– Ну, я скажу крокодильчику. – Снял трубку телефона. – Алло! Тутушка, ты? Позови крокодильчика.

Юра потихоньку вытащил простыню изо рта и сконфуженно стал прислушиваться. Отец спрашивал в телефон:

– Крокодильчик, ты? Юра сует в рот простыню... Нельзя? Я ему говорю, что нельзя, а он не слушается... Юра, крокодильчик сказал,

что нельзя простыню совать в рот.

Юра смиренно ответил:

– Я не буду.

Мне было смешно: недоглядели родители! Выгнали боженьку в дверь, а он перекинулся гражданином с крокодильей мордой, облекся в клетчатое пальто и по телефону стал передавать мальчику свои приказы.

Спрашивает отца:

– Кто дождь какает?

– Видал, как губка намокает? Вот так и тучка: намокнет, и тогда из нее начинает капать дождь.

Объяснение Юрку не удовлетворило. Спросил бабушку.

Она долго говорила об испарении, об охлаждении. Юра слушал внимательно, почти-тельно и ничего не понял. Однако сказал:

– А папа какой глупый! Говорит: оттого, что тучка намокла.

Мать принесла абрикосов. Жадно стал расспрашивать, на чем вырос, кто деревцо посадил.

– Кто лазил на деревцо его поливать?

Мать смеется:

– Он убежден, что нужно влезть на дерево и поливать его сверху.

А я возражаю:

– Юра прав. Вы, ученые люди, вы знаете, что вода нужна именно корням дерева. А нам с Юрой откуда это знать? Цветы поливают сверху, дождик мочит деревья сверху. Почему же и абрикос нужно поливать не сверху?

У Юры была белая, оструганная палка, это была его лошадка; все прогулки он делал на ней верхом. Раз он этой палкой ударил мальчика с соседней дачи. Мать отобрала палку, поставила ее в угол террасы и неделю не давала Юре. Потом с наставлением возвратила.

Через три дня Юра с ревом несет матери на террасу свою палку.

– Ты что?

– На, поставь ее в угол, а то я мальчика побить хочу!

Попадают ему иногда и шлепки. Взгляд на наказание не как на возмездие, а как на неотвратимое последствие дурного поступка.

Плача, кричит матери из садика в окно:

– Мама, возьми меня за руку, дай шлепка:
я мальчику плохое слово сказал.

– Юра, отчего ты так тихо идешь? Устал?

– Нет, я не устал, а просто у меня сегодня
ноги тихие.

– Мама, каша горячая, прямо мне в сердце
попала.

Виктор Гюго писал: «Имейте жалость к русым головкам». Взрослые мало имеют этой жалости. На серьезные вопросы ребенка, потешаясь, дают дурацкие ответы: лгут для временных целей.

– Мама, поедем в зоопарк.

– Нельзя, детка, дождь идет.

– А почему в дождь нельзя?

– В дождь птички и звери бывают сердитые.

– Кусаются?

– Да.

Прояснилось. Поехали в зоопарк. Юра бежал по дорожкам, пытался ловить перелетавших с пруда уток. Вдруг остановился, робко

прижался к матери.

– Ты что?

– Дождик пошел.

– Маленький дождик, это ничего.

– Птичка стала кусачая.

– Что ты глупости говоришь!

– А дождик пошел.

Мать прикусила губу.

Крепыш, здоровяк, с звонким голосом и озорными глазами. Мать его – научный работник, умная и талантливая, но у нее циклотимия, и губы, когда молчит, – страдающие. У Юры тоже в губах страдание. И бессознательно, но настойчиво он охраняет маленькую свою душу от ранящих впечатлений.

Рассказываю ему сказку: мама поехала с Юрой за город на автомобиле. Вдруг (страшным голосом) – на дороге большой слон!

Юра поспешно:

– Он хороший!

– Стоит, машет хоботом. Машина дальше не может ехать, остановилась.

Юра настойчиво:

– Он не сердитый!

Мне непонятно: для меня в детстве – чем страшнее, тем интереснее.

Но невольно подчиняюсь.

– Слон говорит: «Не бойтесь меня, а вот я вижу, у вас в машине свободное место. Покажите моего слоненка».

Юра радостно кричит:

– Покатаем! Садись!

– Поехали дальше со слоненком. Вдруг – трррррр!! Машина свалилась в яму...

– И никого не ушибла!

– Ну, да... Не ушибла. А только яма глубокая. Никак не могут вылезти.

Вдруг видят, сверху заяц смотрит...

Юра торжествует.

– И зайчик нас вытащил!

– Юра, подумай: зайчик маленький. Как он может вытащить?

– Ну что жа?

Приходится устроить так, что зайчик сообщает о беде слону, папа-слон и мама-слониха прибегают и всех вытаскивают из ямы.

И теперь у нас с Юрой выработалась точная, хотя и не формулированная в словах договоренность: в сказке все гармонично, свет-

ло, участники – хорошие и несердитые и конец совершенно благополучный.

Плакатный рисунок в газете: по черному откосу поднимается вверх большой грузовик, а под откосом лежит разбившийся автомобиль; колеса валяются отдельно. Около стоит человек и протягивает руку к грузовику.

– Что это такое?

– О! Это очень интересная история!.. Ехал в гору автомобиль. Вдруг слетел в овраг. Колеса сломались. Мимо едет грузовик. Человек кричит: «Дядя! дядя! возьми меня с собой!» Шофер остановился, взял его. Приехали в город. Человек купил новые колеса, поехал назад, починил свою машину и – ууу! Покатил.

Юра слушал с горящими глазами.

– Куда покатил?

– Ну, домой.

– А потом?

– И все.

Рассказ произвел на Юру потрясающее впечатление. Глядя на картинку, он стал пересказывать его сам, потом еще раз заставил меня рассказать, опять пересказывает.

Подошла мать.

– Юра, иди творог есть.

Он нетерпеливо отстранил ее, с одушевлением продолжает рассказывать.

– А тогда он кричит: «Дядя, дядя! Возьми меня с собой!» А колеса на земле, сломанные.

Целую неделю только об этом говорил, показывал всем картинку и рассказывал. Приду я – заставляет рассказывать меня, а когда кончу, каждый раз спрашивает:

– А потом?

Непонятно было, что ему еще нужно «потом»? Один раз я кончил так:

– Приехал домой и сел чай пить.

Юра с огромным удовлетворением повторил:

– И сел чай пить.

И несколько раз повторил:

– И сел чай пить.

В прежней редакции для него не хватало концовки.

Четырех лет

– Мама, отчего, когда большие ушибутся или упадут, им не больно?

И вопросы, вопросы без конца – для взрослых смешные и дурацкие, а на деле – говорящие об огромном стремлении осмыслить непонятные явления жизни. Не раз уже, кажется, отмечавшийся, удивительно умный вопрос над ночным горшком:

– Мама, почему из меня всегда льется в горшок только чай, а молоко никогда не льется?

– Бывает гусеница, а зайка? Червячок, а верблюд?

– Юра, ну что ты какие спрашиваешь глупости!

Сейчас же – «глупости». И сейчас же предположение, что ребенок болтает зря, только чтобы болтать. Юра краснеет.

– А как же бывает жук-олень, жук-носорог?

Винкельман замечает: «В детстве мы смотрим на все происходящее вокруг нас как на нечто необычайное». Верно. В детстве мы видим жизнь собственными, не предвзятыми глазами и улавливаем то, что взрослыми совершенно не замечаем.

Юра спросил:

– Почему очень скоро пососать называется поцеловать?

Я был поражен: как верно подмечено! Ведь правда: поцеловать – это коротко пососать. Как мы этого не замечали?

Логика, действующая по своим, совсем отличным от нашей законам. То так умно, что поражаешься, то так глупо, что недоумеваешь. Мать сидела с Юрой на дворе; на дворе – гараж. Машина собралась ехать. Мальчишки бросились цепляться сзади. Бросился и Юрка. Мать отозвала его. Юра охотно отошел и спросил мать:

– Отчего, как машина поедет, мальчикам обязательно цепляться сзади?

Он порядочный трусишка. Но, исполняя гражданский долг, считал нужным исполнять обязанности, наложенные судьбою на мальчиков.

С очень серьезными глазами Юра меня спросил:

– Когда какой-нибудь мальчик умрет, ему потом года засчитываются?

Трудно проникнуть в тайны детской логики. Только после долгих, осторожных расспросов мне удалось выяснить, что тут Юра интересовало. Два года назад он много играл с мальчиком из соседней комнаты Васей. Вася его поколачивал. Тогда же он вскоре умер от скарлатины. Недавно Юра об нем вспомнил. Как же ему в настоящее время представить себе Васю? Если в тех годах, когда он умер, то теперь Юра легко мог бы от него защититься. И вот вопрос очень существенный: засчитываются Васе последние два года?

И еще изумляет словотворчество ребенка, – не само по себе, а то, как он умеет усвоить дух языка, как сочиняет слова в строгом соответствии с законами именно этого языка.

Юра принимал хинин.

– Горько тебе было?

– Сперва было горько, а потом *отгорьчилось*.

Гуляет весною по скверу.

– Смотри, мама: клен не только цветет, но и *листет*.

Корней Чуковский, так много сделавший в исследовании детской речи, пишет:

«Начиная с двух лет всякий ребенок становится на короткое время гениальным филологом, а потом, к пяти-шести годам, эту гениальность утрачивает. Тончайший оттенок каждой грамматической формы угадывается ребенком с налету, и когда ему понадобится создать то или иное слово, он употребляет именно, тот суффикс, именно то окончание, которые по сокровеннейшим законам языка необходимы для данного оттенка мысли и образа. Страшно подумать, какое огромное множество грамматических форм сыплется на его бедную голову, а он, как ни в чем не бывало, ориентируется во всем этом хаосе, ежеминутно сортируя по рубрикам беспорядочные элементы услышанных слов – и при этом даже не замечая своей колоссальной работы! У взрослого лопнул бы череп, если бы ему пришлось в такое малое время усвоить те мириады синтаксических и морфологических форм, которые, играючи, усваивает двухлетний лингвист».

Утром Юра долго с большим любопыт-

ством смотрел на пиявок в пруде. А вечером спросил:

– Откуда ко мне язык в рот попал? Из воде, наверно.

Долго и сосредоточенно смотрел, как черный жеребенок сосет черную кобылу.

– А молоко тоже черное?

Мать разбирает фотографии.

– Мама, почему тут и папа и ты, а меня нету?

– Ты тогда еще не родился, детка.

Увидел фотографию, на которой одна мать. Побежал с нею в кухню и стал объяснять няне:

– Тут одна мама, а я и папа еще не народились.

Спросил отца, что такое крематорий. Отец объяснил. Юра слушал с большим интересом. Потом сказал с наслаждением:

– Когда вы с мамой умрете, вас тоже будут *пекти* в крематории?

Родители огорчены.

Родители часто огорчаются понапрасну. Я иногда приношу Юре конфет. Сидит и с аппетитом ест. Мать спрашивает:

– Ты любишь дядю Витю?

– Да. Он мне конфет принес.

Мать ахнула.

– Вот видите! Сколько раз я вам говорила: не носите ему конфет... Ну, а когда дядя Витя без конфет придет, тогда ты его не будешь любить?

– Тогда не стоит.

– Значит, ты его только за конфеты любишь?

Юра подумал:

– Нет, еще за щегла. У него очень щегол хороший, сам в клетку летит, когда платком махнут.

– А дядя Витя за что тебя любит?

Еще подумал.

– Мы ему тоже конфет даем. И еще чаю, печеньиц.

Мать в отчаянии. Странные люди! Требуют от ребенка ответа – за что?

Как же он может ответить: «Так, ни за что»? Ну, и подыскивает своим умишком ре-

альные причины. По тому, как он со мною держится, как встречает, я знаю, чувствую, что это не за конфеты, – да и приношу я ему конфеты не так часто. И мать хорошо знает, что не за конфеты. Раз было так. Меня ждали. Вхожу в подъезд. Между двумя дверями подъезда – маленькая фигурка, стоит смирно-смирно.

– Юра, это ты?

Говорю с ним. Он равнодушно и как будто неохотно отвечает, глядит мимо. Я решил: должно быть, поджидает товарища и ему не до меня. Он взял меня за руку, вместе пошли наверх, в квартиру. И вдруг узнаю от матери: это он меня вышел встречать. Не давал матери покоя, все просился и за полчаса уже вышел. И полчаса смирно стоял между дверями, поджидая меня. А что значит для ребенка в одиночестве и без дела простоять полчаса! А к этому я уже привык: Юра совершенно не проявляет наружно своих чувств.

Через неделю после происшествия с конфетами принес Я мышеловку, – мать просила дать на подержание. Юра с любопытством ее рассматривал. Мать спросила:

– Ну, дядя Витя конфет тебе сегодня не принес. Любишь ты его?

– Да. Он нам принес мышеловку.

– Юрка! Ну, а если бы не принес?

Юра нетерпеливо:

– Все равно бы любил.

Мать кормит грудью братишку Юры. Юра подошел, но ему запрещено подходить – у него подозревается ангина. Мать толкнула его ладонью в лоб.

– Ведь сказано тебе, чтобы не подходил к Боре!

Юра вскипел.

– Ты не смеешь меня бить!.. Папа, объясни маме, что она не смеет меня бить.

– Она тебя не била, а оттолкнула.

– Нет, побила, побила!

Иногда он испускает дикие крики, которые очень пугают спящего Борю. Мать потеряла терпение и, в первый раз, поставила Юру в угол.

Юра постоял, подумал и сказал:

– В угол ты меня ставить можешь. А только... Пожалуйста, запри дверь;

и папе ничего не говори.

Был со своею матерью у тетки в Лосиноостровке. Там сильно озорничал, стал душить ребят тетки. Они сказали, чтобы он больше в Лосиноостровку к ним не приезжал. Мать при мне рассказывает про его подвиги, чтобы его пристыдить. Я Юру спрашиваю:

– Тебя, значит, теперь в Лосиноостровку не пускают?

Вполне спокойно:

– Не пускают.

– Почему?

– Потому что я их душил.

– Зачем же ты их душил?

С эпическим спокойствием:

– Чтобы они были мертвые.

Ужинает. Оживленно болтает с матерью. Вошла няня.

– Юра, а ты рассказал маме, что ты сегодня на сквере делал?

Юра сжался, спросил:

– Что?

– «Что»! Забыл?... Набросился на малень-

кую девочку в колясочке, стал бить, таскать за волосы. Мы его хотели отправить в милицию.

Мать негодующе смотрит на Юру.

– Я не бил, только за волосы потаскал.

Юра терпеть не может девочек и постоянно их обижает.

– Ну, завтра не будет тебе твоих игрушек – ни магнита, ни картинок. Он заревел, вскочил, обнимает мать за шею.

– Нет! Не надо! Ничего не делай плохого! Слышишь, мама? Не делай мне плохого!.. Я просто забыл.

– Забыл, что не надо девочку бить?

– Да.

– А думал, что надо?... За что ты ее бил?

– Ни за что. Просто забыл.

Пришел к ним, спрашиваю:

– Ну, Юра, как живешь?

– Плохо.

– Что так?

Вздыхнул.

– Очень много балуюсь. – Помолчал. – А ты как живешь?

– Хорошо.

– Не балуешься?!